

Т. Д. Рачинская

**Неоязычество в глобализирующемся мире
(аспекты исторического и функционального анализа)**

В статье предпринимается попытка анализа причин появления и распространения новых религиозных движений, в том числе и развития неоязыческих общин и организаций, изучения функций этих движений в России в конце XX в. Рассматривается ситуация культурного и социального кризиса 90-х гг. в целом. Также затрагивается степень влияния кризиса последнего десятилетия XX столетия на развитие различных религиозных движений в культуре постмодерна. В работе описывается сравнение российских организаций с подобными течениями в Европе. Происходит наблюдение за онтогенезом возникших общин религиозного характера и общей культурно-социальной картиной современного российского общества. В статье затрагивается идея о переломном моменте культуры в процессе преодоления культурного кризиса советского общества. С осознанием новых проблем, связанных с национальной идентичностью, реконструкцией традиционных ценностей, основанных на всплеске интереса к славянской тематике, с увлечением восточными практиками, построением диалога с внешним миром, изменением политической ситуации возникают новые движения, которые являются реакцией на социально-политический кризис. Большое значение придается именно движению неоязыческого характера, явившему собой наиболее удобные сочетания подобных реакций.

Ключевые слова: неоязычество, социокультурный кризис, культура, миф, религиозные движения, политеизм.

T. D. Rachinskaya

Neopaganism in a globalizing world (historical aspects and functional analysis)

This article attempts to analyze the reasons for the emergence and spread of new religious movements, including the New-Pagan format studying their functions in Russia at the end of XX century. The situation is considered the cultural and social crisis 90s generally, the development of various movements in postmodern culture and comparison with similar organizations in Europe. Trying to look through ontogeny any religious organizations. Just address the extent to explain the crisis of the last decade of the XX century and the development of various religious motions in postmodern culture. This paper describes the comparison of Russian organizations with similar trends in Europe. As observing the ontogeny of any religious community and the general cultural and social picture of contemporary Russian society. The article has touched on the idea of a tipping point of culture in the process of overcoming the cultural crisis of the Soviet society. When, realising of new problems which are related to national identity, reconstruction of traditional values that are also based on the interest in Slavic topics, enthusiasm about eastern culture, trying to build a dialogue with the outside world, changing the political situation. All of that reflects in the new movements, which are a reaction to the socio-political crisis. The most important part goes to the neo-pagan movements; they have become the most advantageous combination of such reactions.

Keywords: Neopaganism, sociocultural crisis, culture, myth, religious movements, polytheism.

Изменение политической и культурной обстановки начала 90-х гг. способствовало большому росту нетрадиционных мировоззрений и организаций с эклектичным вероучением и идеологией. Подобные движения являлись в определенной степени оппозиционно настроенными к государственному строю и социально-культурным традициям. Такие организации (секты, неоязыческие группировки и т. д.) можно считать квазирелигиозными, так как их идеология, по сути, не всегда религиозна, как это может показаться на первый взгляд. Большинство из них родилось в процессе секуляризации общества как следствие духовного кризиса в результате глобализации и доминирующего положения массовой культуры. Л. А. Андреева утверждает, что «именно несеку-

лярное сознание большинства дехристианизированного населения и религиозно ориентированное подсознание дехристианизированного секулярного меньшинства определили возникновение и развитие коммунистической квазирелигиозности в Советской России» [1]. В условиях, когда идеология Советской империи перестала главенствовать, общество получило возможность реализовать потребность в религии в самых разнообразных формах. М. Н. Эпштейн в статье «Постатеизм, или Бедная религия» пишет: «В условиях постатеистического российского общества формирование новой религиозности происходит не путем сознательного синтеза или обобщения традиций разных вер, а через выветривание этих традиций, через неизбежное принятие и преодо-

ление духовного наследия атеизма. Возникает своеобразная «бедная религия», в которой удивительным образом соединяются традиционные верования и наследие советского атеизма. И если в новом религиозном сознании начала XX в. причудливо соединялось христианство и язычество, сегодня уже мало кого удивляют языческие шаманы, колдуньи или ворожеи. Религиозность начала XX в. – порождение воинствующего модернизма, а новая религиозность нашего времени – типичный образец постмодернистского сознания, равнодушного и всеядного» [5]. После краха советского режима возникают благоприятные условия для самовыражения через новые формы: религиозные верования, политические и социальные ценности и изменения мировоззрения. В социуме, как следствие этого, стали распространяться нетрадиционные движения. Если в советское время на массовом уровне подобные квазирелигиозные учения подавлялись, то с 90-х гг., в связи с либерализацией общества, особенно с развитием телевидения, СМИ и интернета, возрос спрос на альтернативные духовные поиски.

Обращение к древним воззрениям является попыткой реконструкции архаических ценностей, неотъемлемой части развития постмодернистской культуры, и предполагает возвращение политеизма. В случае неоязычества это движение можно считать реакцией на процесс глобализации и сливания культурных черт. Из-за растущего количества неоязыческих организаций, отсутствия в них единой идеологии появились люди, претендующие на право лидерства среди неоязыческого движения. «На 2000 год не существует общепризнанного всеми центра неязыческого движения. Однако к концу 90-х годов оформился ряд языческих организаций, претендующих на лидерство, которые объединили вокруг себя небольшое число общин» [3]. К середине 90-х гг. прошлого века происходит ряд объединений небольших общин в крупные организации, даже прошедшие официальную регистрацию. Таким образом, неоязыческое движение 90-е гг. можно охарактеризовать как попытку приобщения к общему социокультурному и политическому пространству.

19 июля 1997 г., на праздник Перуна, в Калуге был создан союз славянских общин во главе со старейшиной калужской славянской общины Вадимом Казаковым. Это стало датой создания единого координационного органа славянских и не только неоязыческих организаций (договор подписали представители германского, сканди-

навского и финно-угорского неоязычества). Первый официальный документ имеет название «Коломенское обращение» [8]. В «Коломенском обращении» были обозначены главные моменты родноверческого движения: оно носит исключительно религиозный характер и будет всячески развивать единое языческое информационное пространство. Заключение «Битцевского договора» [9] через два года стало подтверждением серьезности намерений. Во время «объединенного жреческо-волховского совета круга языческой традиции» 17 марта 2002 г. в Москве в Чертановском парке был подписан договор главами 15-ти языческих общин и организаций, который свидетельствовал о создании объединенного совета для координации взаимодействий коллективных членов. В нем говорится о регистрации двух языческих объединений, религиозного и светского, с одинаковой конечной целью восстановления и повсеместного распространения «славянской языческой традиции», отстаивания общественно-го и государственного признания ее исконным и традиционным вероисповеданием и мировоззрением [7].

Этот период можно назвать самым важным в истории формирования мировоззрения российских неоязычников: выдвигаются главные лозунги и определяются основные цели и задачи данных групп. Некоторые из них характеризуются большей политизацией и радикализацией своих взглядов, другие ставят своей целью возрождение исконно древней славянской веры и ценностей, третьи видят перед собой возможность поиска экологического равновесия. В это время происходит разделение движения на несколько типов: фольклорное, националистическое и экологическое. Здесь стоит упомянуть о том, что разделение по трем основным признакам соответствует важным проблемам современной России и является ответом на кризис современной культуры и отражением всех важных запросов социокультурной жизни в целом. Группы неоязычников, определяющие себя как профашистские либо как сторонники национализма, пытаются преодолеть кризис идентичности, используя подходящие идеи примордиализма и переработки идеи «арийства»; иных неоязычников глобальные экологические проблемы побуждают на выработку новых решений в проблеме отношений между социумом и природой.

Именно к концу 90-х гг. неоязыческое движение России становится наиболее четко сформированным и занимает место в общемировых

процессах по изменению социокультурного пространства. Стоит добавить, что всплеск национальных идей был свойственен не только адептам родноверия, но и движению «скинхедов», неонацистов, других «новых правых» организаций. А экологическими проблемами стали заниматься на более высоком уровне, как в случае с Green Peace или распространением природолюбивых идей типа New Age и др. Западные идеи разной направленности проникали на российскую почву. Объединение усилий языческих общин мира происходило на основе экологической тематики, появление подобных тенденций связано с большим развитием в 90-е гг. саентологии. Кроме того, языческие лидеры других стран настроены на расширение контактов с гражданским обществом, на законодательные инициативы в области экологии и государственного регулирования религиозных вопросов, а примером по сохранению баланса между цивилизацией и природой для неоязыческих общин всегда оставалась Япония. Страной, где устанавливаются контакты между неоязыческими организациями, является Исландия, которая считается одним из наиболее важных центров развития неоязыческого движения.

И все же, выступая против процессов всеобщего культурного единения и сливания этнических черт, неоязычники приобретают те же черты массовой культуры. Российское и украинское неоязычество успешно адаптируется к условиям глобализации. Более того, как подчеркивает А. Коскелло: «Одна из причин ослабления у современного язычества “антиглобалистского запада” ... заключается в том, что с годами оно все более “растает” в окружающую реальность. На словах восставая против “агрессивной западной (американской) цивилизации”, неоязычники в то же время подспудно усваивают все больше отдельных ее проявлений, делая их составной частью собственной культуры» [2]. Если считать неоязычество данного этапа попыткой избежать процесса глобализации, то необходимо привести мнение А. Л. Топоркова, который полагает, что «современная мифология характеризуется аморфностью, распыленностью, полицентризмом и неустойчивостью, поскольку существует множество мифов, охватывающих отдельные группы населения, различных по происхождению и по продолжительности существования» [4]. Он выделяет четыре группы современных мифов: мифы политической и общественной жизни; мифы, связанные с этнической и религиозной само-

идентификацией; мифы, связанные с внерелигиозными верованиями; мифы массовой культуры. Соответственно, разработка и реконструкция мировоззрения архаики не что иное, как переход мифологии массовой культуры в иную форму. На фоне фольклорной волны формирование языческих движений (культов, сект) возникает в Европе в 50-е гг. XX в. Здесь имеются в виду викка, неodruidизм, германское язычество. Позднее, с 80–90 гг., происходит более широкий всплеск различных учений, например Нью-Эйдж, Асатру или Odinism, распространение неodruidизма в США, возникновение «эллинизма» ("hellenismos") в Греции.

Если в 90-е гг. для неоязыческого движения России характерны более радикальные тенденции, то в 2000-х наблюдается спад агрессивных тенденций, поэтому новые возникающие общины не регистрируются официально. Изменение в неоязыческой среде проявляется в снижении количества иерархизированных общин, в фактической невыевленности идеологов и лидеров многих из них, появлении неоязычников-одиночек, не принимающих чью-либо сторону и идеологию. Происходит разделение собственно славянского неоязыческого религиозного мира и реконструкторских движений, стремящихся к детальному воссозданию древней одежды, питания, вооружения, борьбы. Многие реконструкторы рьяно отслеживают подлинность источников.

Например, в 2009 г. две большие организации – КЯТ (Круг языческой традиции) и ССО СРВ (Союз славянских общин) – официально заявили о подмене понятий в языке и истории славян и о псевдоязычестве. Они полностью отрицают свою причастность к идеям некоторых сторонников язычества: «В последнее время в средствах массовой информации разного уровня, электронных и бумажных, в популярной литературе и на научных конференциях резко выросла тенденция к отождествлению современного языческого движения с последователями и сторонниками взглядов таких людей, как Валерий Чудинов, Николай Левашов, Геннадий Гриневич, Александр Хиневич, Алексей Трехлебов. Декларируемые ими воззрения, хотя и являются авторским творчеством упомянутых граждан или их сознательной провокацией, подаются как образцы языческих взглядов и языческого миропонимания» [10]. Помимо отрицания воззрений перечисленных выше лиц в научной среде, сами приверженцы неоязычества считают своим долгом предупредить всех сторонников данного миро-

воззрения о том, что при чтении книг названных авторов они могут быть введены в заблуждение замаскированными под науку теориями, которые изложены в сочинениях упомянутых лиц. В конечном счете, все это ведет лишь к дискредитации как современного языческого движения, так и российской науки. Это заявление свидетельствует о желании отнести неоязыческое движение России не к спектру опасных и абсурдных учений (каким оно является, по мнению СМИ, РПЦ), а к научной сфере (в случае с исследованиями древнеславянской культуры) или к альтернативной религиозной точке зрения, что вписывается в общую мультикультуралистскую картину современного общества.

Путь развития российского неоязыческого движения трудно спрогнозировать. Во-первых, с учетом сказанного выше о прогрессирующем проникновении неоязычества в современные процессы массовой культуры, сможет ли неоязычество, как российское так и зарубежное, занять место среди остальных религий? Приобретет статус одной из «субкультур» либо уменьшится до формулировки секты? Во-вторых, сможет ли современное язычество, предоставив ответы на главные вопросы, возникшие в результате кризиса культуры, трансформироваться только в культурно-игровое явление, занимающее поле псевдонаучных и околонучных воззрений и теорий?

Перечисленные выше виды неоязыческого движения в России (националистические организации, реконструкторские группы, экологические общины) являются реакцией на мировой и внутренний кризис. Стоит упомянуть, что при обращении к опросу Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), проведенного 15–16 июня 2013 г., можно заметить интересную тенденцию: наиболее реальной угрозой для страны россияне сегодня считают заселение России представителями других национальностей (35 % такое развитие событий представляется вполне реальным). На втором месте – упадок культуры, науки, образования (33 %). И третье место занимает проблема экологической катастрофы (28 % считают ее вполне возможной) [6]. Далее следуют терроризм, раскол власти, угрозы из космоса и т. д. Перечисление всех остальных вопросов в данном исследовании смысла не имеет, так как здесь наиболее актуальны первые три. Соответственно, на основе этих результатов можно сделать вывод, что неоязыческое движение в России есть отражение кризиса современного общества нашей страны и социокультурной жизни в целом.

Возникшие в 90-е гг. новые нетрадиционные движения имели зачастую религиозную окраску, но их суть может видоизменяться и приспосабливаться к любым условиям развития общества. Социально-деструктивные движения теоретически наиболее удачно вписывались в попытку адаптации к кризисной ситуации того времени. Наличие таких движений соответствовало желанию противостоять подобному развитию общества, а при более глубоком анализе прослеживается их негативное отношение к традиционной культуре. Если глобализация имеет некоторые черты мультикультурализма, а современная культура российского общества приобретает унифицированный облик, то и подобные движения вполне соответствуют условиям развития культуры современности.

Библиографический список

1. Андреева, Л. А. Процесс дехристианизации в России и возникновение квазирелигиозности в XX веке [Текст] / Л. А. Андреева // Общественные науки и современность. 2003. – № 1. – С. 90–100.
2. Коскелло, А. С. Современные языческие религии Евразии: крайности глобализма и антиглобализм [Текст] / А. С. Коскелло // Религия и глобализация на просторах Евразии / ред. А. Малашенко, С. Филатов. – М.: Неостром, 2009. – 296–331 с.
3. Прокофьев, А. В. Современное славянское неоязычество [Текст] / А. В. Прокофьев // Энциклопедия современной религиозной жизни России. – Режим доступа: <http://www.avatargroup.ru/booksreader.aspx?dbid=259>
4. Топорков, А. Л. Миф: традиция и психология восприятия [Текст] / А. Л. Топорков // Мифы и мифология в современной России. – М.: Фонд Фридриха Науманна, 2000. – 56 с.
5. Эпштейн, М. Н. Постатеизм, или Бедная религия [Текст] / М. Н. Эпштейн // Октябрь. – 1996. – № 9. – С. 158–165.
6. Сайт ВЦИОМ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114302>
7. Электронный ресурс общины «Велесов круг». – Режим доступа: <http://www.velesovkrug.ru/obnovleniya-na-sayte/rodnoverie-v-rossii-kratkaya-istoriya.html>
8. Электронный ресурс общины «Славия». – Режим доступа: <http://www.slavya.ru/delo/docum/kolom.htm>
9. Электронный ресурс официального заявления родноверческого движения. – Режим доступа: <http://www.rodnoverie.org/stati/jav/285-ofitsialnoe-zajavlenie.html>

Bibliograficheskij spisok

1. Andreeva, L. A. Process dechristianizacii v Rossii i vzniknovenie kvazireligioznosti v XX veke [Tekst] /

L. A. Andreeva // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2003. – № 1. – S. 90–100.

2. Koskello, A. S. Sovremennye jazycheskie religii Evrazii: krajnosti globalizma i antiglobalizm [Tekst] / A. S. Koskello // Religija i globalizacija na prostorah Evrazii / red. A. Malashenko, S. Filatov. – M.: Neostrom, 2009. – 296–331 s.

3. Prokofev, A. V. Sovremennoe slavjanskoe neojazychestvo [Tekst] / A. V. Prokofev // Jenciklopedija sovremennoj religioznoj zhizni Rossii. – Rezhim dostupa: <http://www.avatargroup.ru/booksreader.aspx?dbid=259>

4. Toporkov, A. L. Mif: tradicija i psihologija vospriyatija [Tekst] / A. L. Toporkov // Mify i mifologija v sovremennoj Rossii. – M.: Fond Fridriha Naumanna, 2000. – 56 s.

5. Jepshtejn, M. N. Postateizm, ili Bednaja religija [Tekst] / M. N. Jepshtejn // Oktjabr'. – 1996. – № 9. – S. 158–165.

6. Sajt VCIOM [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114302>

7. Jelektronnyj resurs obshhiny «Velesov krug». – Rezhim dostupa: <http://www.velesovkrug.ru/obnovleniya-na-sajte/rodnoverie-v-rossii-kratkaya-istoriya.html>

8. Jelektronnyj resurs obshhiny «Slavija». – Rezhim dostupa: <http://www.slavya.ru/delo/docum/kolom.htm>

9. Jelektronnyj resurs oficial'nogo zajavlenija rodnovercheskogo dvizhenija. – Rezhim dostupa: <http://www.rodnoverie.org/stati/jav/285-ofitsialnoe-zajavlenie.html>